

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2020 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются пункт 1 статьи 15 и статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации постольку, поскольку на основании данных законоположений в системе действующего правового регулирования решается вопрос о взыскании с физического лица денежных средств в порядке возмещения вреда, причиненного публично-правовому образованию неуплатой налога в размере недоимки, признанной безнадежной к взысканию и списанной в установленном законом порядке.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 статьи 15 и статью 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают взыскания в исковом производстве с физического лица денежных средств в размере возникшей недоимки по налогу в порядке возмещения вреда, причиненного публично-правовому образованию неуплатой налога, если эта недоимка признана безнадежной к взысканию на основании законного (неотмененного) решения, принятие которого непосредственно обусловлено поведением уполномоченных органов и не связано с противоправными деяниями самого физического лица (налогоплательщика).

Комментарий

Недоимка может быть признана безнадежной к взысканию в том числе и в случаях, когда законная возможность принудительного взыскания налоговых платежей была утрачена при обстоятельствах, когда сам налоговый орган пропустил срок на предъявление соответствующих требований, главным образом в силу упущений при оформлении процессуальных документов и при обращении в суд с иском к налогоплательщику с отступлениями от правил судопроизводства. Упущения такого рода тем более могут быть решающим условием причинения вреда казне, если налоговый орган не просит восстановить пропущенный срок обращения в суд, притом что право на такое ходатайство предусмотрено налоговым законом (пункт 2 статьи 48 Налогового кодекса Российской Федерации).

Указанные упущения могут иметь значение причины наступления вреда для казны также и на том основании, что обязанность обеспечивать уплату налогов возложена именно на налоговые органы, как это отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24.03.2017 № 9-П.

Конституционная обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы и обязанность налоговых органов обеспечить их взимание между собою связаны, но друг друга не заменяют. Соответственно, и правовые последствия неисполнения обоих видов долженствования не могут быть одинаковыми для непосредственно обязанных по ним субъектов, в том числе в отношении возмещения вреда, причиненного их ненадлежащим исполнением. Следовательно, и причинение вреда, выраженного в исчерпании (утрате) бюджетом своих фискальных прав, поскольку и если это прямо связано с ненадлежащим исполнением соответствующими органами их обязанностей по взысканию недоимки, не должно быть вменено иным субъектам, включая налогоплательщиков, имея в виду прямую причину в наступлении такого вреда.

Изложенное означает, что при упущениях органов, уполномоченных действовать в интересах казны, включая пропуски сроков, ошибки в применении надлежащих, законом установленных процедур и форм налогового (фискального) принуждения, уголовного преследования, приказного или искового производства, выступающих причиной, которой обусловлено прекращение налогового обязательства, физическое лицо имеет законные основания ожидать, что причинение соответствующего вреда не будет ему вменено на основании гражданско-правовых законоположений, оспариваемых по данному делу.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2020 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи жалобой гражданина Р.А. Алиева»

Содержание жалобы

Пункт 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о допросе лиц, участвовавших в уголовном деле в качестве присяжных заседателей, об обстоятельствах нарушения тайны совещания при вынесении ими вердикта либо об ином противоправном воздействии на присяжных при отправлении ими правосудия.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по своему конституционно-правовому смыслу данная норма:

не препятствует суду апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, постановленный судом с участием присяжных заседателей, пригласить в судебное заседание присяжных для выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта без придания им при этом процессуального статуса свидетеля;

предполагает право лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных, дать пояснения суду апелляционной инстанции по поводу указанных обстоятельств, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, о позициях присяжных при голосовании по поставленным перед ними вопросам.

Комментарий

По смыслу взаимосвязанных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и распространяющихся на присяжных норм Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» присяжные по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, могут быть приглашены в судебное заседание суда апелляционной инстанции и вправе предоставить сведения об обстоятельствах, касающихся предполагаемых нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта по заданным им вопросам, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, о позициях присяжных при голосовании.

Федеральный законодатель не лишен возможности урегулировать процессуальные особенности такого участия присяжных, выносивших вердикт в первой инстанции, в заседании суда апелляционной инстанции, в том числе их ответственность за дачу ложных показаний.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск»

Содержание жалобы

Часть вторая статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на ее основании определяются меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также устанавливаются

субъекты, на которых судом может быть возложена обязанность по принятию таких мер.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть вторую статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не закрепляет конкретных мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также не устанавливает субъектов, на которых судом может быть возложена обязанность по принятию таких мер, и не определяет, за счет каких источников осуществляется финансирование этих мер.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения и дополнения.

Комментарий

Поскольку ненадлежащее исполнение вынесенных судебных решений об охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также невозможность вынесения соответствующих судебных решений может привести к последствиям, неблагоприятным для реализации таким осужденным прав, связанных с его жилым помещением, остающимся без присмотра, и иными лицами, заинтересованными в исключении бесхозяйственного обращения с данным жилым помещением, Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым установить особенности исполнения данного Постановления.

Впредь до внесения таких изменений, если осужденным самостоятельно не приняты гражданско-правовые меры по охране своего жилого помещения и будет установлено отсутствие у него возможности в их самостоятельном принятии, суд полномочен принять меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения такого гражданина и возложить их исполнение на конкретных субъектов, а именно:

опечатывание жилого помещения и периодическая проверка его сохранности могут быть возложены на орган внутренних дел по месту нахождения жилого помещения и (или) на администрацию муниципального образования (поселения, городского округа, муниципального округа);

обязанность по запрету регистрации граждан в жилом помещении без согласия собственника - на органы регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации (территориальные органы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел);

обязанность по запрету государственной регистрации перехода права, ограничения права и обременения объекта недвижимости без личного участия собственника объекта недвижимости (его законного представителя) - на

территориальный орган Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии;

иные обязанности, необходимые для охраны жилого помещения, - на администрацию муниципального образования (поселения, городского округа, муниципального округа) с учетом особенностей организации местного самоуправления и разграничения соответствующих полномочий в городах федерального значения и на иных территориях.

Принятые до вступления в силу данного Постановления судебные решения подлежат исполнению.

Органы местного самоуправления, исполнявшие соответствующие судебные акты, а также органы местного самоуправления, на которые были возложены соответствующие обязанности по охране оставшегося без присмотра жилого помещения осужденного на основании временного регулирования, после принятия соответствующих изменений в законодательство вправе обратиться за возмещением расходов на принятие мер по охране жилого помещения за счет органа, на который эти функции будут возложены в соответствии с новым правовым регулированием, за период со дня официального опубликования данного Постановления.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2020 № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.М. Четыза»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является часть первая статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой она служит основанием для исчисления срока обращения в суд с иском о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, в тех случаях, когда такой иск заявлен после вступления в законную силу решения суда по трудовому (служебному) спору, которым были восстановлены трудовые (служебные) права истца.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть первую статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой она не содержит указания на сроки обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав в тех случаях, когда требование о компенсации морального вреда заявлено в суд после вступления в законную силу решения суда, которым нарушенные трудовые (служебные) права восстановлены полностью или частично.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления.

Впредь до внесения соответствующих изменений требование о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, может быть заявлено одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав с соблюдением сроков, предусмотренных частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, либо в течение трехмесячного срока с момента вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично.

Комментарий

Предоставление работнику права требовать компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями или бездействием работодателя, будучи направленным на достижение социально необходимого результата, вместе с тем не должно нарушать баланс прав и законных интересов работников и работодателей.

Реализация такого права без установления разумных сроков обращения в суд, тем более после того как нарушенные трудовые права восстановлены в судебном порядке, вела бы к несоразмерному ограничению прав работодателя как стороны в трудовом договоре и субъекта экономической деятельности.

Такого рода ограничение не обусловлено необходимостью защиты прав и свобод, закрепленных статьей 37 Конституции Российской Федерации, нарушало бы свободу экономической (предпринимательской) деятельности и право собственности, а потому не отвечало бы требованиям справедливости и соразмерности и по существу означало бы нарушение баланса прав и законных интересов сторон трудового правоотношения.

Таким образом, на законодательном уровне предполагается наличие разумных сроков обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых прав, в том числе после их восстановления решением суда. Это в полной мере относится и к случаям нарушения служебных прав, если законодательством, регулирующим соответствующие служебные отношения, предусматривается субсидиарное применение норм Трудового кодекса Российской Федерации.

В отсутствие же таких сроков правовое регулирование характеризуется имеющим конституционную значимость пробелом, в силу которого практически невозможно компенсировать моральный вред, причиненный нарушением трудовых (служебных) прав, после того, как факт такого нарушения признан судебным решением, а сами права восстановлены, без нарушения баланса прав и законных интересов сторон трудовых отношений, необходимость поддержания которого обусловлена конституционными требованиями.

Следовательно, правовым регулированием не обеспечивается действенная защита нарушенных трудовых (служебных) прав в части возмещения причиненного таким нарушением морального вреда, что вступает в противоречие

как с конституционными предписаниями о гарантированности судебной защиты, так и с положениями международных актов, обязывающими государство обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты (статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на установление срока обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав в случаях, когда такое требование заявляется после вступления в законную силу решения суда, которым нарушенные трудовые (служебные) права восстановлены.

Конституционный Суд Российской Федерации, не предрешая конкретного содержания необходимых изменений в правовом регулировании, полагает возможным во исполнение данного Постановления установить, что впредь до внесения изменений, вытекающих из данного Постановления, требование о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, может быть заявлено одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав с соблюдением сроков, предусмотренных частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, либо в течение трехмесячного срока с момента вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.2020 № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан Р.А. Логинова и Р.В. Шарафутдинова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения по данному делу являются статьи 15, 16, часть первая статьи 151, статьи 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации постольку, поскольку на их основании в системе действующего законодательства разрешается вопрос о возмещении расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, и компенсации морального вреда лицу, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием события (состава) административного правонарушения или ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение

(пункты 1 и 2 части 1 статьи 24.5, пункт 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статьи 15, 16, 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не позволяют отказывать в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть первую статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи со статьями 15, 16, 1069 и 1070 данного Кодекса в части установления условия о виновности должностных лиц органов государственной власти в совершении незаконных действий (бездействия) как основания возмещения морального вреда лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы), соответствующей Конституции Российской Федерации.

Комментарий

Положения статей 15, 16, 1069 и 1070 Гражданского кодекса К Российской Федерации в системе действующего правового регулирования не могут выступать в качестве основания для отказа в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) государственных органов или их должностных лиц или наличия вины должностных лиц в незаконном административном преследовании. Иное

приводило бы к нарушению баланса частных и публичных интересов, принципа справедливости при привлечении граждан к публичной юридической ответственности и противоречило бы Конституции Российской Федерации.

Это не исключает предъявления при наличии оснований уполномоченным органом в регрессном порядке требований о возмещении соответствующих государственных расходов к лицу, виновные действия (бездействие) которого обусловили необоснованное возбуждение дела об административном правонарушении.

Законодатель не лишен возможности интегрировать положения о возмещении расходов лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в законодательство об административной ответственности с учетом правовых позиций, изложенных в данном Постановлении.

Согласно статьям 151, 1064, 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации причиненный гражданину моральный вред (физические или нравственные страдания) компенсируется при наличии вины причинителя такого вреда, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Применительно к случаям компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, это означает, что в системе действующего правового регулирования компенсация морального вреда может иметь место независимо от вины причинивших его должностных лиц во всяком случае, когда к гражданину было незаконно применено административное наказание в виде административного ареста либо он незаконно был подвергнут административному задержанию на срок не более 48 часов в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест (с учетом того что административное наказание в виде исправительных работ, также указанное в абзаце третьем статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, в настоящее время законодательством об административных правонарушениях не предусмотрено).

Такое законодательное решение вопроса о порядке компенсации морального вреда, причиненного гражданину незаконным привлечением к административной ответственности, исходит из необходимости повышенной правовой защиты свободы и личной неприкосновенности граждан (статья 22 Конституции Российской Федерации).

При незаконном применении к гражданину вследствие привлечения к административной ответственности иных - не затрагивающих эти ценности - мер административного принуждения граждан не лишен возможности использовать

общие основания и порядок компенсации причиненного морального вреда, предусмотренные статьями 151 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Следовательно, установленные данным Кодексом правила компенсации гражданину морального вреда, в том числе причиненного ему незаконным привлечением к административной ответственности, не выходят за пределы дискреционных полномочий законодательной власти и не могут быть признаны противоречащими Конституции Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина»

Содержание жалобы

Часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой они служат основанием для ограничения права организации на представительство ее интересов в арбитражном суде связанным с ней лицом, не имеющим высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, в частности ее учредителем (участником) или работником, в случаях, когда ее интересы в том же процессе одновременно представляет адвокат или иное оказывающее юридическую помощь лицо, имеющее такое образование либо такую степень.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают ограничения права организации поручать ведение дела от имени этой организации в арбитражном процессе связанному с ней лицу, в частности ее учредителю (участнику) или работнику, не имеющему высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, однако обладающему, по мнению представляемой организации, необходимыми знаниями и компетенцией в области общественных отношений, спор из которых подлежит разрешению арбитражным судом, за исключением лиц, которые не могут быть представителями в силу прямого указания закона (статья 60 данного Кодекса), при условии что интересы этой организации по соответствующему делу в арбитражном суде одновременно представляют также адвокаты или иные оказывающие юридическую помощь

лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

Комментарий

Такой исключительно формальный критерий, как наличие высшего юридического образования либо ученой степени в области права, а равно адвокатского статуса, не дает реальной гарантии оказания представителем эффективной помощи, поскольку многообразие споров, входящих в компетенцию арбитражных судов, сложность в регулировании отдельных правоотношений позволяют утверждать, что даже самый опытный адвокат не может быть достаточно компетентным во всяком арбитражном деле.

Во многих случаях о необходимой квалификации для ведения дела может свидетельствовать наличие у лица, вовлеченного в деятельность представляемой организации, не столько юридического, сколько иного специального образования. Работники организации, осведомленные о специфике ее деятельности и являющиеся специалистами в прикладных сферах (таможенное, банковское, страховое дело, антикризисное управление, бухгалтерский учет и др.), зачастую могут оказать по соответствующим категориям споров не менее компетентную помощь.

Кроме того, отсутствие возможности привлечь в качестве представителей (наряду с адвокатами и другими лицами, имеющими высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности) тех лиц, которые связаны с организацией и в силу корпоративного участия, имущественных, трудовых отношений способны оказывать влияние на ее деятельность, вело бы к несоразмерному ограничению права участвующей в деле организации довести до суда свою позицию в тех случаях, когда организация заинтересована в представлении суду их объяснений, поскольку привлечение к участию в деле этих лиц в ином процессуальном статусе (предполагающем независимое содействие правосудию - в качестве свидетеля, специалиста) невозможно либо затруднительно, принимая во внимание наличие у них обусловленной такой связью прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела.

В деле с участием заявителей ООО «Александра» добивалось наделения К.В. Бударина, не имеющего высшего юридического образования, статусом представителя учрежденного им общества, исполнительным директором которого он являлся, в налоговом споре по причине его глубокой вовлеченности в деятельность общества (его объяснения могли бы содержать ценную для суда информацию), обоснованно полагая, что рассмотрение налоговых споров связано с разрешением не только сугубо правовых вопросов, но и вопросов правильности ведения бухгалтерского и налогового учета и отчетности и что такой вид деятельности осуществляют бухгалтеры, аудиторы и в целом лица, имеющие финансовое и экономическое образование.

Сфера налогообложения, будучи специфической отраслью общественных отношений, требует специальных знаний и квалификации (не только в области

юриспруденции) для результативной защиты прав налогоплательщика - юридического лица, а потому в практике разрешения налоговых споров востребована возможность совместного представительства интересов налогоплательщика с участием одновременно профессионального юриста и профильного работника организации (исполнительного директора, главного бухгалтера, бухгалтера), обладающего финансовым или экономическим образованием и сведущего в тех аспектах ее деятельности, которые подлежат судебному исследованию. Это способствует достижению конституционно значимых целей полноты, эффективности и своевременности судебной защиты.

Тем самым участие К.В. Бударина в заседании суда в качестве представителя ООО «Александра» (притом что, будучи аффилированным лицом по отношению к данному обществу, он не мог участвовать в процессе в ином качестве) само по себе даже предположительно не могло бы повлечь умаления гарантий состязательности и равноправия сторон, а также снижения качества их процессуальных действий и в конечном итоге - качества отправления правосудия, имея в виду, что интересы организации защищали в суде два профессиональных представителя.

Следовательно, заявители по настоящему делу столкнулись с неоправданным и непропорциональным ограничением права на доступ к суду, а значит, и на судебную защиту.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова»

Содержание жалобы

Часть третья статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о признании уголовно наказуемыми (мошенничеством) деяний, связанных с подачей налогоплательщиком налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц в налоговые органы для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, когда налоговым органом подтверждено, но в дальнейшем опровергнуто наличие у налогоплательщика права на такой вычет.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть третью статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку она не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый

орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика.

Комментарий

Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны соотноситься с требованием адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств.

Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализованного деяния.

Само по себе даже необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на имущественный налоговый вычет в связи с приобретением жилого помещения не может считаться представляющим достаточную для криминализации общественную опасность, поскольку предоставление вычета должно быть в такой ситуации исключено действиями сотрудников налогового органа, которыми принимается решение - по результатам камеральной налоговой проверки - о действительном размере налоговой обязанности лица за конкретный налоговый период.

Тем более что Налоговый кодекс Российской Федерации предполагает возможность отмены или изменения решений нижестоящих налоговых органов в случае их несоответствия законодательству о налогах и сборах вышестоящим налоговым органом (пункт 3 статьи 31), что имеет целью восстановление в административном порядке законности, нарушенной неправомерным актом нижестоящего органа, по инициативе самого вышестоящего налогового органа, осуществляющего текущий контроль за деятельностью нижестоящих органов (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.04.2010 № 595-О-О); размер налоговых обязательств налогоплательщика также может быть пересмотрен в рамках выездной налоговой проверки с вынесением нового решения (статьи 89 и 101).

Достаточно для минимизации потенциального вреда и правовые механизмы, закрепленные в налоговом и гражданском законодательстве, которым дана оценка в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2017 № 9-П.

Привлечение же лица к уголовной ответственности за невинные (в уголовно-правовом смысле) действия нарушает принципы законности, вины и справедливости.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2020 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Н. Пикулина»

Содержание жалобы

Пункт 1 части 1 статьи 61 и часть 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой на основании данных законоположений в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности лиц, освоивших программу основного общего образования, продолжить обучение по программе среднего общего образования в той же общеобразовательной организации, если они не прошли являющийся условием продолжения такого обучения индивидуальный отбор для обучения по профильной (с углубленным изучением отдельных учебных предметов) образовательной программе среднего общего образования.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 части 1 статьи 61 и часть 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти нормы:

предполагают обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению нормативно-правовых гарантий продолжения обучения по общеобразовательным программам среднего общего образования для лиц, освоивших программу основного общего образования, но не прошедших индивидуальный отбор для обучения по образовательным программам среднего общего образования, предполагающим углубленное изучение отдельных учебных предметов, в том числе в других территориально доступных общеобразовательных организациях соответствующего субъекта Российской Федерации (муниципального образования), а также необходимость заблаговременного информирования обучающихся и их родителей (законных представителей) о предстоящем индивидуальном отборе;

не допускают лишения лиц, освоивших программу основного общего образования, но не прошедших индивидуальный отбор для обучения в соответствующей образовательной организации по образовательным программам среднего общего образования, предполагающим углубленное изучение отдельных учебных предметов, возможности продолжить обучение в той же образовательной организации, без нормативного установления указанных гарантий продолжения обучения по общеобразовательным программам среднего общего образования.

Комментарий

Иное понимание оспариваемых положений Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и конкретизирующих положений законодательства субъектов Российской Федерации, по существу, означало бы необоснованные ограничения права обучающихся, желающих продолжить освоение общеобразовательных программ среднего общего образования на непрофильной основе (по универсальному профилю), а потому вело бы к нарушению прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

Этим не исключается возможность совершенствования правового регулирования индивидуального отбора лиц, освоивших программу основного общего образования, для обучения, в том числе в той же образовательной организации, по профильной (с углубленным изучением отдельных учебных предметов) образовательной программе среднего общего образования, включая гарантии в случае, если они не прошли такой отбор.

Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что с учетом характера и особенностей реализации права, о нарушении которого применительно к своей несовершеннолетней дочери ставил вопрос заявитель и восстановление которого не представляется возможным по прошествии длительного времени с момента, когда дочь была лишена возможности продолжить обучение по программе среднего общего образования в образовательной организации, где получала основное общее образование, а также с учетом того, что в дальнейшем она продолжила обучение в другой образовательной организации, основания предусмотреть в данном Постановлении пересмотр дела заявителя отсутствуют.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда»

Содержание жалобы

Подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку им

обуславливаются пределы полномочий суда в случае применения мер ответственности за нарушение индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности исключительного права на товарный знак, если правообладатель использует в качестве способа защиты требование выплатить компенсацию в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой эта норма в системной связи с общими положениями Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав, в том числе с пунктом 3 его статьи 1252, не позволяет суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности исключительного права на один товарный знак, снизить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации, если такой размер многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков (притом что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления.

Комментарий

Принимая во внимание правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в постановлениях от 13.12.2016 № 28-П и от 13.02.2018 № 8-П, рекомендации которого по внесению в законодательство соответствующих изменений еще не реализованы, исходя из общих принципов гражданско-правовой ответственности и учитывая, что правообладатель товарного знака освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков, а санкция в виде выплаты компенсации, рассчитанной на основе подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации, подлежит применению независимо от вины лица, нарушившего исключительное право на товарный знак при осуществлении им предпринимательской деятельности, при применении мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак, тем не менее - с учетом

штрафного характера компенсации и преследуемых при ее применении публичных целей - нельзя не учитывать предпринятые таким лицом необходимые меры и проявление им разумной осмотрительности, чтобы избежать неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности, права на который принадлежат другому лицу.

Поскольку отсутствие у суда правомочия - при наличии побуждающих к тому обстоятельств - снизить размер компенсации, исчисленной указанным образом, в условиях правовой неопределенности может привести, вопреки конституционным требованиям справедливости и равенства, к явной несоразмерности налагаемой на ответчика имущественной санкции ущербу, причиненному правообладателю, и тем самым к нарушению баланса их прав и законных интересов, которые защищены Конституцией Российской Федерации, следует признать, что подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации.

Это, однако, не означает отсутствия у законодателя права прибегнуть при установлении размера компенсации к такой юридической конструкции, как двукратный коэффициент относительно стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака, при условии применения судами отвечающих смыслу гражданского законодательства и правовым позициям, выраженным в данном Постановлении, критериев сопоставимости обстоятельств нарушения с условиями такого правомерного использования.

Впредь до внесения в гражданское законодательство изменений, вытекающих из данного Постановления, суды не могут быть лишены возможности учесть все значимые для дела обстоятельства, включая характер допущенного нарушения и тяжелое материальное положение ответчика, и при наличии соответствующего заявления от него снизить размер компенсации ниже установленной подпунктом 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации величины.

При этом - с целью не допустить избыточного вторжения в имущественную сферу ответчика, с одной стороны, и, с другой, лишить его стимулов к бездоговорному использованию объектов интеллектуальной собственности - размер такой компенсации может быть снижен судом не более чем вдвое (т.е. не может составлять менее стоимости права использования товарного знака).

Кроме того, снижением размера компенсации за нарушение исключительного права с учетом данного Постановления не могут подменяться как установление судом обстоятельств рассматриваемого им дела, так и исследование им доказательств, относящихся к допущенному нарушению и условиям правомерного использования товарного знака, на стоимость которого ссылается истец.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.10.2020 № 41-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 3.7, статей 25.1 - 25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании «MAJENA SHIPPING COMPANY LIMITED»

Содержание жалобы

Часть 4 статьи 3.7 и часть 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о праве собственника имущества обжаловать принятое в отношении другого лица постановление по делу об административном правонарушении в области таможенного дела в части конфискации его имущества, которое в режиме временного ввоза находится на таможенной территории ЕАЭС во владении (пользовании) иных лиц.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 4 статьи 3.7 и часть 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, допуская по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения - товаров и (или) транспортных средств у лиц, не являющихся собственниками соответствующего имущества, не предусматривают права собственника имущества обжаловать постановление по делу об административном правонарушении в части конфискации имущества в случае, когда товар или транспортное средство законно перемещены через таможенную границу и находятся на таможенной территории ЕАЭС, где таможенные органы и суды Российской Федерации имеют эффективные средства контроля и законного принуждения, в том числе процессуального, при достоверно известном составе участников таможенных и связанных с ними правоотношений, включая собственника имущества, который не уклоняется от осуществления своих прав и обязанностей под российской юрисдикцией.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления.

Комментарий

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на судебную защиту признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации как основное и

неотчуждаемое право человека на основе принципа равенства всех перед законом и судом.

Это право включает в себя не только право на обращение в суд, но и гарантированную государством возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод. Иное не согласуется с универсальным для всех видов судопроизводства, включая административное, требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости

Европейский Суд по правам человека поддерживает сходную позицию относительно эффективности средств правовой защиты, которая означает, в частности, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или прекращать его, как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (постановления от 26.10.2000 по делу «Кудла (Kudla) против Польши», от 30.11.2004 по делу «Кляхин (Klyakhin) против России» и др.).

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.2020 № 42-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М.Г. Анциновой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу часть 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является постольку, поскольку на ее основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о привлечении к административной ответственности за использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием в случае, когда собственник (правообладатель) земельного участка использует земельный участок не только в соответствии с основным видом его разрешенного использования, указанным в Едином государственном реестре недвижимости, но и в соответствии со вспомогательным видом разрешенного использования, который предусмотрен правилами землепользования и застройки муниципального образования (градостроительным регламентом) для определенной территориальной зоны без внесения в Единый государственный реестр недвижимости соответствующих сведений.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующей Конституции Российской Федерации, постольку, поскольку неопределенность действующего правового регулирования в вопросе о том,

обязан ли собственник (правообладатель) земельного участка в случае, когда он в дополнение к основному виду его разрешенного использования самостоятельно выбирает вспомогательный вид разрешенного использования, вносить в качестве условия правомерного осуществления вспомогательного вида разрешенного использования в Единый государственный реестр недвижимости сведения о таком использовании, создает неопределенность и в вопросе о возможности привлечения этого собственника (правообладателя) к административной ответственности за использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием.

Федеральному законодателю надлежит принять меры по устранению выявленной неопределенности правового регулирования.

Комментарий

Поскольку признание части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях неконституционной само по себе не затрагивает содержания регулятивных норм, за нарушение которых ею предусмотрена административная ответственность, и в интересах обеспечения определенности прав и обязанностей субъектов земельных правоотношений Конституционный Суд Российской Федерации считает целесообразным установить, что впредь до внесения в законодательство необходимых изменений - принимая во внимание, что в демократическом правовом государстве, высшей ценностью которого являются человек, его права и свободы, неустранимые сомнения в правовом регулировании публичных (административных) отношений, сопряженные с возможностью привлечения к ответственности за его нарушение частных лиц, не предполагают, по общему правилу, допустимость расширительного толкования юридических обязанностей таких лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.03.2018 № 14-П), - собственники (правообладатели) земельных участков не могут быть принуждены к внесению каких-либо сведений в Единый государственный реестр недвижимости в случае, когда они в дополнение к основному виду разрешенного использования принадлежащих им земельных участков самостоятельно выбирают вспомогательный вид их разрешенного использования.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.10.2020 № 43-П «По делу о проверке конституционности подпунктов «а», «е» пункта 14.1 статьи 35, подпункта «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 6 части 1, пункта 4 части 2 статьи 27 и пункта 3 части 24 статьи 30 Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» в связи с жалобой гражданина М.Ю. Серяпова»

Содержание жалобы

Оспариваемые положения являются предметом рассмотрения по данному делу в той мере, в какой на их основе разрешается вопрос об отказе в регистрации (отмене регистрации) кандидата в депутаты, выдвинутого избирательным объединением (политической партией) по одномандатному (многомандатному) избирательному округу в составе списка кандидатов на выборах представительного органа местного самоуправления, в случае, когда избирательное объединение (политическая партия) при выдвижении названного списка кандидатов провело тайное голосование отдельно по каждой кандидатуре из этого списка, а не по списку кандидатов в целом и не представило в соответствующую избирательную комиссию список выдвинутых кандидатов, оформленный в качестве приложения к решению избирательного объединения о выдвижении кандидатов по одномандатным избирательным округам списком.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения подпунктов «а», «е» пункта 14.1 статьи 35, подпункта «в» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 6 части 1, пункта 4 части 2 статьи 27 и пункта 3 части 24 статьи 30 Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они:

не исключают права избирательного объединения (политической партии) в соответствии с его уставом, иными внутренними актами принимать решение о выдвижении кандидатов в депутаты представительного органа местного самоуправления по одномандатным (многомандатным) избирательным округам списком путем тайного голосования за каждого включаемого в него кандидата, притом что в этом решении однозначно выражено волеизъявление о том, по какому избирательному округу выдвигается каждый кандидат;

не подразумевают требования к избирательному объединению (политической партии) при выдвижении им кандидатов в депутаты представительного органа местного самоуправления по одномандатным (многомандатным) избирательным округам списком представлять в организующую выборы избирательную комиссию отдельный список кандидатов, оформленный в качестве отдельного приложения к решению политической

партии о выдвижении кандидатов в депутаты представительного органа местного самоуправления по одномандатным (многомандатным) избирательным округам списком, если сведения обо всех выдвинутых в установленном порядке кандидатах с указанием избирательных округов, по которым они выдвинуты, содержатся в самом решении;

не предполагают квалификации соответствующих действий избирательного объединения (политической партии) в качестве несоблюдения требований, предъявляемых к выдвижению ими кандидатов по одномандатным избирательным округам списком, являющегося основанием для отказа в регистрации (отмены регистрации) кандидата.

Комментарий

Иное истолкование оспариваемых законоположений, как предусматривающих право избирательного объединения (политической партии) принимать решение о выдвижении кандидатов в депутаты представительного органа местного самоуправления по одномандатным (многомандатным) избирательным округам списком исключительно путем тайного голосования за список кандидатов в целом, а также устанавливающих безусловную обязанность избирательного объединения (политической партии) представлять в организующую выборы избирательную комиссию список кандидатов, оформленный в качестве отдельного приложения к решению избирательного объединения о выдвижении кандидатов в депутаты по одномандатным (многомандатным) избирательным округам списком, даже если сведения обо всех выдвинутых в установленном порядке кандидатах с указанием избирательных округов, по которым они выдвинуты, содержатся в самом решении, не отвечает правомерным критериям ограничения конституционных прав и свобод.

Правовое регулирование порядка и условий выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов) на выборах, в том числе в части определения как состава сведений в отношении лиц, изъявивших желание баллотироваться на выборах, которые должны быть сообщены в соответствующую избирательную комиссию, так и порядка и сроков представления этих сведений, должно отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям правовой определенности и не носить характера избыточных, чрезмерных ограничений, создающих, вопреки конституционному принципу равенства, произвольные препятствия для свободы деятельности политических партий и реализации избирательных прав граждан.

Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, вводимые ограничения конституционных, в том числе избирательных, прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально обоснованы; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения

прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату. Данное требование обращено не только к законодателю, но и к правоприменителям, в том числе судам.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.10.2020 № 44-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с жалобой Новосибирского областного союза организаций профсоюзов «Федерация профсоюзов Новосибирской области»

Содержание жалобы

Пункт 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той части, в которой он, предусматривая требование о непротиворечии уставов объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов уставам объединений (ассоциаций) соответствующих профсоюзов, обязывает территориальное объединение (ассоциацию) организаций профсоюзов, являющееся одновременно учредителем и членом общероссийского объединения (ассоциации) соответствующих профсоюзов, обеспечить соответствие положений своего устава положениям устава учрежденного им общероссийского объединения (ассоциации) профсоюзов.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал положение пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», содержащее требование о непротиворечии уставов объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов уставам объединений (ассоциаций) соответствующих профсоюзов, не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой оно, обязывая территориальное объединение (ассоциацию) организаций профсоюзов, являющееся одновременно учредителем и членом общероссийского объединения (ассоциации) соответствующих профсоюзов, обеспечить соответствие положений своего устава положениям устава учрежденного им общероссийского объединения (ассоциации) профсоюзов, допускает необоснованное вмешательство государства в деятельность профсоюзов, а также не согласующееся с конституционно значимыми целями ограничение права на объединение и свободы деятельности общественных объединений.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Комментарий

Основу взаимоотношений между различными профсоюзами и объединениями (ассоциациями) организаций профсоюзов, являющихся членами одного объединения (ассоциации) профсоюзов, и самим объединением (ассоциацией) профсоюзов составляют права и обязанности членов соответствующего объединения (ассоциации), которые, будучи закрепленными в его уставе, могут включать в том числе обязанность членских организаций того или иного объединения (ассоциации) профсоюзов обеспечить соответствие своих уставов положениям устава данного объединения (ассоциации), что - учитывая свободное и добровольное членство в объединении (ассоциации) профсоюзов, а также демократический характер процедур, свойственных принятию решений уполномоченными органами профсоюзов, их организаций и объединений (ассоциаций), - не может рассматриваться как ограничение права того или иного профсоюза либо объединения (ассоциации) организаций профсоюзов самостоятельно разрабатывать и утверждать свой устав.

Напротив, установление такого рода обязанности, в частности, для объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов, являющихся членами общероссийского объединения (ассоциации) профсоюзов, именно в уставе соответствующего объединения (ассоциации) профсоюзов не только представляет собой проявление подлинной независимости профсоюзов и их свободы от какого-либо вмешательства государства в вопросы их внутренней деятельности, но и направлено на обеспечение гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьей 30, права на объединение и свободы деятельности общественных объединений.

Положения же уставов как общероссийского объединения (ассоциации) профсоюзов, так и объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов могут быть предметом судебного контроля, в том числе с точки зрения соблюдения предусмотренного уставом объединения (ассоциации) профсоюзов требования о соответствии уставов объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов, являющихся его членами, положениям устава такого объединения (ассоциации). Инициаторами судебного контроля в целях обеспечения социального партнерства, социальной солидарности (статья 75.1 Конституции Российской Федерации) могут выступать как соответствующие объединения (ассоциации) профсоюзов, их членские организации, так и государственные органы, уполномоченные на это федеральным законодательством.

Закрепление же подобного положения в федеральном законе - притом что императивное предписание подкреплено государственно-властным принуждением к его реализации - означает необоснованное вмешательство государства в деятельность профсоюзов и их объединений (ассоциаций), нарушает принцип независимости профсоюзов и подрывает демократическую основу их деятельности, поскольку соответствующее требование не вырабатывается в рамках процедуры, обеспечивающей свободное принятие решения уполномоченными органами профсоюзов, их организаций и объединений (ассоциаций), и тем самым приводит к не согласующемуся с

конституционно значимыми целями, предусмотренными в статье 55 Конституции Российской Федерации, ограничению права на объединение и свободы деятельности общественных объединений, гарантированных ее статьей 30 (часть 1).

Признание указанного законоположения не соответствующим Конституции Российской Федерации и утрата им юридической силы с момента вступления в силу данного Постановления сами по себе не отменяют действия положений устава объединения (ассоциации) профсоюзов, обязывающих объединения (ассоциации) организаций профсоюзов, являющихся его членами, обеспечить соответствие своих уставов уставу данного объединения (ассоциации), при условии что такого рода положения устава были приняты в установленном порядке уполномоченными органами объединения (ассоциации) профсоюзов путем демократических процедур.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.2020 № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный»

Содержание жалобы

Часть 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункт 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку они служат основанием для решения вопроса о привлечении религиозной организации к административной ответственности за осуществление деятельности без указания ее официального полного наименования на жилом доме (при входе на земельный участок, на котором он находится), адрес которого содержится в Едином государственном реестре юридических лиц (далее - ЕГРЮЛ) в качестве адреса религиозной организации, без учета факта размещения таких сведений внутри этого жилого дома (при входе в используемые религиозной организацией отдельные помещения).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункт 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в их взаимосвязи не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они по своему конституционно-правовому смыслу в

системе действующего правового регулирования не предполагают привлечения религиозной организации к административной ответственности за осуществление деятельности без указания своего официального полного наименования в виде вывески (таблички, стенда, указателя) на жилом доме (при входе на земельный участок, на котором он находится), адрес которого содержится в Едином государственном реестре юридических лиц в качестве адреса религиозной организации, если религиозная организация не осуществляет деятельность в этом доме либо использует для осуществления деятельности его отдельные помещения и информация о ее официальном полном наименовании размещена внутри жилого дома при входе в

Комментарий

Особенность свободы вероисповедания не предполагает обеспечения религиозными организациями, в отличие от некоторых иных видов юридических лиц, свободного доступа неограниченного круга лиц в места осуществления ими своей деятельности. Религиозная организация сама может определять, привлекать ли новых последователей соответствующего вероисповедания и действовать в этом направлении путем широкого опубликования своей деятельности или поступать более избирательно. Поэтому обеспечение доступа к месту деятельности религиозной организации неограниченного круга лиц, а следовательно, информирование неограниченного круга лиц непосредственно по месту деятельности религиозной организации о ее официальном полном наименовании не может рассматриваться как ее безусловная обязанность.

Соответственно, для выполнения религиозной организацией предусмотренной оспариваемыми законоположениями обязанности указания своего официального полного наименования при осуществлении деятельности достаточно размещения информации о таком наименовании внутри жилого дома при входе в используемые ею помещения.

Иное означало бы чрезмерное вмешательство государства в сферу свободы совести, гарантированной каждому статьей 28 Конституции Российской Федерации и признаваемой статьей 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Федеральный законодатель не лишен возможности внести в действующее правовое регулирование изменения, уточняющие порядок указания религиозными организациями своего официального полного наименования при осуществлении деятельности в жилых помещениях, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в данном Постановлении.

В то же время если религиозная организация осуществляет в жилом помещении, по адресу которого она зарегистрирована в ЕГРЮЛ, деятельность, влекущую приобретение этим помещением характеристик культового помещения либо административного (служебного) помещения, то она может быть привлечена к административной ответственности за нарушение правил пользования жилыми

помещениями на основании статьи 7.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2020 № 46-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Московская шерстопрядильная фабрика»

Содержание жалобы

Подпункт 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой из его положений в системе действующего правового регулирования следует, что налоговая база по налогу на имущество организаций определяется исходя из кадастровой стоимости здания (строения, сооружения), расположенного на арендуемом налогоплательщиком земельном участке, только потому, что один из видов разрешенного использования этого участка предусматривает размещение торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового обслуживания, независимо от предназначения и фактического использования здания (строения, сооружения).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования данное законоположение не предполагает возможности определения налоговой базы по налогу на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости здания (строения, сооружения) исключительно в связи с тем, что один из видов разрешенного использования арендуемого налогоплательщиком земельного участка, на котором расположено принадлежащее ему недвижимое имущество, предусматривает размещение торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового обслуживания, независимо от предназначения и фактического использования здания (строения, сооружения).

Комментарий

Взимание налога на имущество организаций исходя из налоговой базы, определяемой по кадастровой стоимости зданий (строений, сооружений) исключительно из того, что они расположены на земельном участке, один из видов разрешенного использования которого предусматривает размещение торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового

обслуживания, хотя объект недвижимости имеет иное назначение и (или) фактическую эксплуатацию, не оправданно в конституционно-правовом отношении, поскольку допускает возложение повышенной налоговой нагрузки на налогоплательщика без экономических на то оснований и не позволяет - вопреки статьям 19 и 57 Конституции Российской Федерации, принципам равенства и справедливости налогообложения - применить для расчета налоговой базы более благоприятное для налогоплательщика общее правило ее определения исходя из среднегодовой стоимости имущества, признаваемого объектом налогообложения.

При этом отказ налогоплательщику в таком праве не обусловлен объективной невозможностью пообъектного (индивидуального) определения налоговой базы с учетом среднегодовой стоимости имущества, а также не связан с правомерными целями градостроительной политики и другими конституционно оправданными причинами.

Иными словами, конституционно-правовых оснований такой отказ не имеет и недопустим в системе действующего правового регулирования во всяком случае в отношении тех организаций, чье недвижимое имущество расположено на земельных участках, которыми они владеют на условиях аренды.

При этом здание (строение, сооружение) признается не предназначенным и фактически не используемым для размещения торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового обслуживания с учетом двадцатипроцентного критерия, предусмотренного подпунктом 2 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери»

Содержание жалобы

Пункт 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой он, действуя в нормативном единстве с иными положениями данного Федерального закона, служит основанием для решения вопроса о распространении установленного данным Федеральным законом порядка передачи государственного или муниципального имущества религиозного назначения в безвозмездное пользование религиозным организациям на помещения в здании, находящемся в муниципальной собственности, построенные

не для осуществления и (или) обеспечения определенных видов деятельности религиозных организаций, но впоследствии реконструированные (достроенные под размещение культового сооружения - храма) религиозной организацией с согласия собственника в период длительного безвозмездного пользования этими помещениями для достижения ее уставных целей (до вступления в силу данного Федерального закона).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он не позволяет однозначно решить вопрос о том, распространяется или нет установленный данным Федеральным законом порядок передачи религиозным организациям государственного или муниципального имущества религиозного назначения в безвозмездное пользование на помещения в здании, находящемся в муниципальной собственности, реконструированные (достроенные под размещение культового сооружения - храма) религиозной организацией с согласия собственника в период длительного безвозмездного пользования этим имуществом для достижения ее уставных целей (до вступления в силу данного Федерального закона), и создает неопределенность в вопросе о механизме защиты законных интересов религиозной организации после изъятия такого имущества из ее пользования.

Федеральному законодателю надлежит принять меры по устранению выявленной неопределенности правового регулирования.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит принять меры по устранению выявленной неопределенности правового регулирования, имея в виду, что в муниципальной собственности как особой разновидности публичной собственности - с учетом ее конституционного предназначения обеспечивать интересы местного сообщества в целом - должно находиться то имущество, которое требуется для решения возложенных на местное самоуправление задач.

Конституционный Суд Российской Федерации при этом учитывает, что нежилое помещение, ранее предоставлявшееся заявителю, в настоящее время, как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении Конституционного Суда Российской Федерации материалы, предоставлено другой местной религиозной организации. Соответственно, возможное принятие в результате пересмотра дела заявителя решения о предоставлении ему этого помещения приведет к прекращению его использования другим равнозначным субъектом правоотношений.

Хотя пересмотр дела на основании постановления Конституционного Суда Российской Федерации может приводить к таким последствиям - и это само по

себе не исключает его, - Конституционный Суд Российской Федерации не может не учитывать характеристик объектов, являющихся предметом спора в деле заявителя, изъятие которых у одних лиц и передача другим может стать следствием такого пересмотра.

Применительно к объектам религиозного назначения или объектам, приобретшим характеристики таковых, как обладающим сакральной ценностью для верующих, их передача от одной религиозной организации к другой (тем более если они относятся к разным конфессиям) может глубоко задеть чувства верующих, приведет не только к затрагиванию законных интересов религиозной организации, но и к существенному нарушению прав ее членов. Это явилось бы искажением должного баланса прав и законных интересов равнозначных субъектов вопреки предписанию статьи 17 Конституции Российской Федерации о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В обозначенном аспекте пересмотр дела не может привести к восстановлению прав заявителя, а то обстоятельство, что он и сам находился в положении лишившегося возможности пользоваться такого рода объектом, не дает оснований для иного вывода, поскольку принятие Конституционным Судом Российской Федерации постановления не должно приводить к увеличению неблагоприятных последствий правового регулирования, признанного Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации.

С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации считает возможным установить особенности исполнения данного Постановления в отношении конкретного дела заявителя, состоящие в следующем.

Судебные акты, вынесенные по делу местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери, основанные на положениях пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», не могут быть пересмотрены в обычном порядке.

После внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений во исполнение данного Постановления форма и размер компенсации определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело, в котором к заявителю были применены положения пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

При этом федеральный законодатель, устанавливая правовое регулирование во исполнение данного Постановления, не лишен возможности определить особенности приведения в соответствие с ним существующих правоотношений, чтобы обеспечить баланс прав и законных интересов всех участников этих правоотношений и механизмы восстановления их нарушенных прав.

Причем соответствующие нормы - безотносительно к тому, как законодатель установит их действие во времени, - во всяком случае должны применяться к местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери при реализации в соответствии с данным Постановлением компенсаторных механизмов.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является пункт 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающий, что лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет, приобретает право собственности на это имущество, - в той мере, в какой на его основании разрешается вопрос о добросовестности владения лицом земельным участком, переданным ему прежним владельцем (гаража и земельного участка) по сделке с намерением передать свои права владельца на недвижимое имущество, не повлекшей соответствующих правовых последствий, как об условии приобретения права собственности на земельный участок по давности владения.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой при решении вопроса о добросовестности владения лицом земельным участком, переданным ему прежним владельцем (гаража и земельного участка) по сделке с намерением передать свои права владельца на недвижимое имущество, не повлекшей соответствующих правовых последствий, как об условии приобретения права собственности на земельный участок по давности владения эта норма по своему конституционно-правовому смыслу не предполагает, что совершение такой сделки (в которой выражена воля правообладателя земельного участка на его отчуждение и которая была предпосылкой для возникновения владения, а в течение владения собственник земельного участка не проявлял намерения осуществлять власть над вещью) само по себе может быть основанием для признания давностного владения недобросовестным и препятствием для приобретения права собственности на вещь (земельный участок) в силу приобретательной давности.

Комментарий

Что же касается утверждения В.В. Волкова, согласно которому неопределенность статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в части положения «владеющим как своим собственным» состоит и в том, что открытый перечень приведенных в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» договорных оснований владения позволяет судам произвольно квалифицировать владение имуществом не как своим собственным и в тех случаях, когда заключался договор купли-продажи, то в указанных разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации указывается только на договоры, в которых контрагент собственника получал имущество во временное владение (договоры аренды, хранения, безвозмездного пользования и т.п.), т.е. из природы договора следует, что получатель имущества не имел намерения владеть им как своим.

Согласно сложившейся правоприменительной практике в пункте 15 указанного постановления имеются в виду случаи, когда лицо признает власть другого лица (собственника) над вещью и осуществляет лишь временное владение вещью, т.е. владение не «как своей».

В частности, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2019 № 78-КГ19-29 указано, что не является давностным владение, которое осуществляется по договору с собственником или иным управомоченным на то лицом, не предполагающее переход титула собственника. В этом случае владение вещью осуществляется не как своей собственной, не вместо собственника, а наряду с собственником, не отказавшимся от своего права на вещь и не утратившим к ней интереса, передавшим ее непосредственно или опосредованно во владение, как правило - временное, данному лицу.

Следовательно, согласно данному разъяснению у лица, получившего владение вещью по договору, критерий владения «как своим» отсутствует лишь в тех случаях, когда этим лицом осуществляется в соответствии с договором временное производное владение, и указанная заявителем неопределенность в этом аспекте отсутствует.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения по данному делу является подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области», поскольку этим положением, действовавшим во взаимосвязи с общей системой конституционно-правового и соответствующего отраслевого регулирования, устанавливалась обязанность граждан в условиях режима повышенной готовности в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции не покидать места проживания (пребывания) (за исключением предусмотренных в данной норме случаев), нарушение которой влекло административную ответственность.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку установление этого положения по его конституционно значимому предназначению и сути было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые им меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве.

Комментарий

Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что оспариваемые меры обеспечивают справедливый баланс между необходимостью защиты жизни и здоровья населения в условиях сложной эпидемической ситуации, с одной стороны, и обеспечением возможности передвижения - с другой.

Тем самым регулирование, предусмотренное подпунктом 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ, необходимость принятия которого была обусловлена чрезвычайными обстоятельствами и которое имело правовые ориентиры в федеральном законодательстве в момент его установления и затем в кратчайшие сроки было согласовано с ним посредством его изменения, не может рассматриваться - с учетом преследуемой цели - как возложение на граждан чрезмерного бремени.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2020 № 50-П «По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пунктов 139 - 143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е.В. Парамонова»

Содержание жалобы

Статья 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статья 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на их основании не предоставляются длительные свидания осужденным к лишению свободы, оставленным в следственном изоляторе либо переведенным в следственный изолятор из исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьмы при необходимости участия в следственных действиях в качестве подозреваемого, обвиняемого либо участия в судебном разбирательстве в качестве обвиняемого.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в их взаимосвязи, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой лица, осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной

колонии или тюрьме и оставленные в следственном изоляторе либо переведенные в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений для участия в следственных действиях в качестве подозреваемого, обвиняемого или участия в судебном разбирательстве в качестве обвиняемого, лишаются права на длительные свидания без установленных законом оснований, подлежащих судебному контролю, и при этом без учета продолжительности нахождения в следственном изоляторе в порядке статьи 77.1 данного Кодекса.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее законодательство необходимые изменения, вытекающие из данного Постановления.

Впредь до внесения в действующее законодательство соответствующих изменений вопрос об ограничении права на длительные свидания в отношении лиц, осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьме и оставленных в следственном изоляторе либо переведенных в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений для участия в следственных действиях или в судебном разбирательстве, подлежит разрешению по основаниям и в порядке, установленным данными Постановлением.

Право требовать длительного свидания в соответствии с данным Постановлением возникает по истечении двух месяцев со дня его вступления в силу.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее законодательство необходимые изменения, вытекающие из данного Постановления.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым определить следующий порядок исполнения данного Постановления:

впредь до внесения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты надлежащих изменений, вытекающих из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в данном Постановлении, вопрос об ограничении права на длительные свидания, принадлежащего лицу, осужденному к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьме и оставленному в следственном изоляторе либо переведенному в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений для участия в следственных действиях в качестве подозреваемого, обвиняемого или участия в судебном разбирательстве в качестве обвиняемого, подлежит разрешению судом с учетом обстоятельств, свидетельствующих о том, может ли предоставление длительного свидания воспрепятствовать производству по уголовному делу или разрешению его судом;

при необходимости ограничения такого осужденного в праве на длительные свидания следователь с согласия руководителя следственного органа или

дознатель с согласия прокурора возбуждает перед судом мотивированное ходатайство с приложением материалов, подтверждающих его обоснованность. Если срок пребывания осужденного в следственном изоляторе в порядке статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации превышает шесть месяцев (в том числе с учетом временного возвращения в исправительную колонию, воспитательную колонию или тюрьму, за время которого длительное свидание не предоставлялось), длительное свидание предоставляется, за исключением случая, когда решение об ограничении данного лица в праве на длительное свидание принято таким судом, который уполномочен на продление срока содержания под стражей свыше шести месяцев согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

право требовать длительного свидания в соответствии с данным Постановлением возникает по истечении двух месяцев со дня его вступления в силу.

Данное Постановление устанавливает подлежащий применению впредь до внесения в действующее законодательство соответствующих изменений порядок разрешения вопроса о праве на длительные свидания в отношении лиц, осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьме и оставленных в следственном изоляторе либо переведенных в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений для участия в следственных действиях или в судебном разбирательстве.

Вопрос о праве заявителя на длительное свидание, если он в соответствии с положениями статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации продолжает находиться в следственном изоляторе, должен решаться в соответствии с основаниями и порядком разрешения данного вопроса, установленными в данном Постановлении, с учетом их предусмотренного уголовно-исполнительным законодательством порядка и периодичности.

Если же в настоящее время заявитель не находится в следственном изоляторе, то предоставление ему длительных свиданий в соответствии с данным Постановлением утратило для него актуальность.

Конституционный Суд Российской Федерации считает возможным установить, что заявитель, если будет выявлено, что основания для ограничения его права на длительные свидания в соответствии с правовыми позициями, выраженными в данном Постановлении, отсутствовали, имеет право на применение компенсаторных механизмов в связи с правоприменительными решениями, основанными на положениях статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Форма и размер компенсации, а также наличие оснований для ее применения определяются Колпинским районным судом Санкт-Петербурга как судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело, в котором применены оспоренные в Конституционном Суде Российской Федерации нормативные положения.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 1644-О «По жалобе гражданина Суворова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 13 Федерального закона «Об альтернативно гражданской службе»

Оспоренными положениями Уголовного кодекса Российской Федерации предусматриваются меры уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы.

Оспоренными положениями Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» устанавливается, что в случае неявки гражданина, в отношении которого призывной комиссией вынесено заключение о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, на заседание призывной комиссии без уважительных причин, определенных пунктом 5 статьи 12 данного Закона, он подлежит призыву на военную службу в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что гражданин, в отношении которого призывной комиссией согласно его же волеизъявлению вынесено заключение о замене военной службы по призыву избранной им альтернативной гражданской службой, будучи заинтересованным в реализации своего права на прохождение альтернативной гражданской службы вместо несения военной службы по призыву, не лишается возможности в случае неявки на заседание призывной комиссии для решения вопроса о направлении его на альтернативную гражданскую службу сообщить военному комиссариату, призывной комиссии, а равно суду причины своей неявки, которые в силу объективного, социально значимого или иного уважительного характера служат законным основанием, исключающим признание гражданина подлежащим призыву на военную службу, и представить их документальное подтверждение. Соответствующие обстоятельства должны быть оценены призывной комиссией или судом, наделенными для этого правомочием признавать уважительными и причины, прямо не названные в законе.

Виновный в совершении умышленного преступления, предусмотренного частью первой статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации, должен осознавать, что является лицом, подлежащим призыву на военную службу, т.е., в частности, уже утратил статус направляемого на альтернативную гражданскую службу. Либо же, по крайней мере, он должен сознательно допускать, что - после неисполнения им обязанностей, связанных с направлением на альтернативную гражданскую службу, и в свете полученной им информации о рассмотрении призывной комиссией по этой причине вопроса о его призыве на военную службу - его текущие действия (бездействие) могут являться именно уклонением от призыва на военную службу.

Это подтверждает значимость соблюдения надлежащей процедуры принятия решения о том, что ранее признанный подлежащим направлению на

альтернативную гражданскую службу гражданин подлежит призыву на военную службу для законного, справедливого и эффективного применения мер уголовно-правового воздействия, и в том числе важность подобающего уведомления такого гражданина о рассмотрении данного вопроса и его результатах, к чему должны быть предприняты все возможные меры.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2020 № 1710-О «По жалобе гражданки Республики Азербайджан Рустамли Туркель Валех кызы на нарушение ее конституционных прав статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации»

Согласно оспоренным положениям вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению; вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, рассматривая вопрос о возмещении соответствующего вреда в конкретном деле, суд обязан исследовать по существу его фактические обстоятельства, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения нормы, включая наличие общих условий деликтной ответственности, в том числе доказанность или недоказанность вины органов государственной власти, органов местного самоуправления или их должностных лиц, с учетом того, что в публичных правоотношениях стандарт разумного и добросовестного поведения не предусматривает необходимости предвидения гражданином возможности их незаконных действий (бездействия).

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.10.2020 № 2375-О «По жалобе гражданина Милова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»

Согласно оспоренным положениям административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп,

военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также к имеющим специальные звания сотрудникам ряда органов исполнительной власти.

Конституционный Суд Российской Федерации повторил ранее выраженную в Определении от 13.06.2006 № 195-О правовую позицию о том, что, как следует из действующего правового регулирования, разрешая вопрос о назначении административного ареста мужчине, самостоятельно воспитывающему детей в возрасте до четырнадцати лет, суды общей юрисдикции вправе и обязаны обеспечить должный баланс между осуществлением целей административного наказания и защитой прав и законных интересов детей правонарушителя.

Приведенная правовая позиция распространяется и на случаи, когда мужчина, имеющий ребенка в возрасте до четырнадцати лет, хотя и воспитывает его совместно с матерью этого ребенка, но в конкретной жизненной ситуации, о которой заявлено в суде по делу об административном правонарушении, при наличии соответствующих обстоятельств, подтвержденных надлежащим образом, назначение административного наказания такому мужчине в виде административного ареста приведет к тому, что ребенок останется без родительского присмотра.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.10.2020 № 2535-О «По жалобе гражданина Шахета Георгия Осиповича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»

Оспоренными положениями регламентируются вопросы, касающиеся деятельности органов прокуратуры по установлению и проверке дел с неотмененными решениями судов и несудебных органов в отношении лиц, подлежащих реабилитации в соответствии с положениями указанного Закона.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что оспоренные и иные нормы данного Закона прямо обязывают органы прокуратуры в предусмотренных случаях установить и проверить дела с неотмененными решениями судов и несудебных органов в отношении соответствующих лиц, по итогам проверки составить заключения и выдать справки о реабилитации или, при отсутствии оснований для таковой, заключения об отказе в реабилитации и по заявлению заинтересованных лиц направить в суд дела с заключениями об отказе в реабилитации, а суд - рассмотреть их по существу.

Это регулирование в системе с положениями уголовно-процессуального закона предполагает в качестве основной формы деятельности прокуратуры при проверке дел в порядке реабилитации жертв политических репрессий составление заключений о наличии или отсутствии оснований для таковой, подлежащих рассмотрению судом по обращению заинтересованных лиц.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2020 № 2597-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации и части второй статьи 36 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»

Согласно части четвертой статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, при условном осуждении его срок исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу, а в случае его назначения в качестве дополнительного к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, принудительным работам, лишению свободы оно распространяется на все время отбывания указанных основных видов наказаний, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия.

В силу части второй статьи 36 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации при назначении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам, аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы его срок исчисляется соответственно со дня освобождения осужденного из исправительного центра, из-под ареста, из дисциплинарной воинской части или из исправительного учреждения.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу оспоренных положений лицо утрачивает право управлять транспортным средством с момента вступления в законную силу приговора суда, которым признан факт управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и назначено наказание, предусмотренное статьей 47 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Срок же этого дополнительного вида наказания, определенного приговором суда, начинает исчисляться после исполнения основного наказания, связанного с лишением свободы (со дня освобождения осужденного из исправительного учреждения, в том числе из колонии-поселения).

Подобный порядок объективно обусловлен повышенной степенью общественной опасности соответствующих преступных деяний, особенно повторных.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»

В указанном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1 статьи 23 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» в части, допускающей временное применение до вступления в силу международного договора (или части международного договора) Российской Федерации, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающего при этом иные правила, чем предусмотренные законом, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащееся в нем положение не предполагает возможности применения такого международного договора (или части международного договора) в Российской Федерации без его официального опубликования.

Принятым Определением Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что выявленный конституционно-правовой смысл пункта 1 статьи 23 данного Федерального закона в действующей системе правового регулирования Российской Федерации, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 той же статьи и статьей 10 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»:

не допускает временного применения положений международного договора Российской Федерации, которые предусматривают разрешение международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами, возникших в связи с осуществлением ими инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, даже если данный международный договор был официально опубликован, без принятия федерального закона о его ратификации;

не предполагает, что согласие Правительства Российской Федерации на временное применение международного договора Российской Федерации, оговоренное при его подписании, распространяется на положения данного международного договора, предусматривающие передачу споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами на рассмотрение международного арбитража.